

УДК 808

МОЛЧАНИЕ КАК ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Н.Д. Шестопалова

Военная академия воздушно-космической обороны, Тверь

В статье показано, как в отдельных фрагментах художественного текста, а именно в презентации прямой речи, через использование языковых средств, указывающих на молчание коммуникантов, происходит опредмечивание коммуникативной ситуации и моделирование смыслового содержания произведения.

Ключевые слова: *молчание, смыслообразование, коммуникативная ситуация, презентация прямой речи.*

«... молчание тоже есть логос».

Аполлоний Тианский,
греческий мистик-неопифагореец

Художественное освоение действительности предусматривает распрепредмечивание средств текста, тем самым осуществляется усмотрение смыслов текста через содержание знания и переживания. Таким образом, мы видим, что текст состоит из множества осмысленных микроконтекстов. Процесс наращивания смысла рефлексивен: переживание смыслов предполагает распрепредмечивание средств, опредметивших смыслы, реактивацию опыта переживания сходных смыслов, переконцентрацию установки.

В данной статье мы исследуем, как в отдельных фрагментах художественного текста, а именно в презентации прямой речи (далее – ППР), через использование языковых средств, указывающих на молчание персонажей произведения, происходят опредмечивание коммуникативной ситуации и моделирование смыслового содержания.

Молчание может быть очень разным: от «не хочу говорить», «не могу сформулировать» до «мне запрещено говорить об этом»; существует молчание и умалчивание. Очевидно, однако, что молчание представляет собой единственный вид высказывания, не искажающий истину [8: 136].

Состояние молчания, возникающее в процессе общения, следует отличать от молчания, сигнализирующего об окончании речевого контакта. Чаще всего на разрыв ситуации вербального взаимодействия указывает уход персонажа, отмеченный в ППР, или формулы прощания, выраженные прямой речью [5: 131].

Молчание также следует отличать от тишины – «естественного состояния беззвучия в отсутствие разговора» [9: 203]. Главное отличие

тишины от молчания, вслед за М.Н. Эпштейном, мы видим в том, что «тишина не имеет темы и не имеет автора, она, в отличие от молчания, есть состояние бытия, а не действие, производимое субъектом и относящееся к объекту» [там же]. Нельзя также поставить знак равенства между «молчанием» и «неговорением»; так про немого или иностранца, не владеющего данным языком, обычно не говорят, что он «молчит». Это связано с тем, что молчание является «поступком» [9: 204] и несёт определённый смысл. О том же различии свидетельствует анализ семантики глагола *молчать*, проведённый Н.Д. Арутюновой, отмечающей, что данный глагол «предполагает возможность выполнения речевого действия», и что выбор между «речью – не-речью» также является речевым актом [2: 418].

Подобно тому, как в синтаксисе существует понятие нулевой связки или в словообразовании понятие нулевого суффикса или нулевого окончания, так же можно говорить и о «нулевом речевом акте», чем и является молчание [1: 110]. Молчание, которое наступает в определённом акте коммуникации, свидетельствует «о переходе замолчавшего к другому семиотическому коду» [7: 180].

Итак, молчание рассматривается нами как паралингвистическое средство («нулевой речевой акт», по определению Н.Д. Арутюновой; «нулевой заместитель вербальной реакции», по определению В.В. Богданова), имеющее определённый смысл в коммуникации. «О молчании говорят только на фоне коммуникации, т.е. тогда, когда в принципе возможно речевое общение – реальное или виртуальное» [1: 109].

Разные проявления коммуникативно-значимого молчания становятся предметом исследования в работах Л.А. Азнабаевой, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Базылева, В.В. Богданова, С.В. Крестинского, Г.Г. Почепцова, И.А. Садыковой, Н.Д.Формановской и др. Так, В.В. Богданов считает, что существует «молчание для говорения и молчание вместо говорения» [4: 8]. В.Н. Базылев отмечает: «молчание есть молчание о чём-то, молчание кого-то к кому-то» [3: 586–587]. Или, например, С.В. Крестинский делает попытки раскрыть причины и смысл молчания посредством анализа ремарок *пауза* и *молчание*; ремарки *надул губы*, *засопел*, по его мнению, раскрывают смысл 'нежелание говорить' и т.п. [6: 39].

Интерес для нашего исследования представляет точка зрения, предлагаемая Н.Д. Арутюновой в её работе «Молчание: контексты употребления». Автор доказывает, что важным фактором, характеризующим молчание, является наличие отрицания в его значении. Из того что в структуру молчания входит отрицание, Н.Д. Арутюновой заключает следующее:

«В отличие от говорения, ассоциируемого с целями (иллокутивными силами), о молчании не судят в терминах целей. Молчание, как и любое другое недействие, имеет причину. Поскольку молчание является контро-

лируемым человеческим действием, причина равнозначна мотиву. Мотив синтезирует понятия причины и цели. Итак, для глагола *молчать* естественно входить в каузальный контекст, сочетаясь с обстоятельствами причины-мотива: молчать из страха и т.п.» [1: 106].

Для проверки изложенных выше тезисов целесообразно привести и затем проанализировать пример, где молчание выступает как одна из разновидностей разговора. Это отрывок из романа Джона Голсуорси «Собственник», заключающий в себе описание встречи двух героинь: Джун и Ирэн. Это разговор на пороге дома Босини, человека, в которого они обе влюблены.

It was while looking at the spot where the piece of Japanese pottery had stood that she felt a strange certainty of being watched, and, turning, saw Irene in the open doorway.

The two stood gazing at each other for a minute in silence; then June walked forward and held out her hand. Irene did not take it.

When her hand was refused, June put it behind her. Her eyes grew steady with anger; she waited for Irene to speak...

<...>

She [June] spoke first, after all.

“What have you come for?” But the feeling that she herself was being asked the same question, made her add: “This horrible case. I came to tell him—he has lost it.”

В ту минуту, когда Джун посмотрела туда, где стояла раньше японская ваза, она почувствовала на себе чей-то взгляд и, обернувшись, увидела в открытых дверях Ирэн.

Минуту они, молча, смотрели друг на друга; потом Джун шагнула вперед и протянула руку. Ирэн не взяла её.

Не получив ответа на своё приветствие, Джун спрятала руку за спину. Её глаза были неподвижны от гнева; она ждала, когда Ирэн заговорит. <...> В конце концов, Джун заговорила первая:

– Зачем вы пришли сюда? – но, почувствовав, что тот же самый вопрос задан и ей, добавила: – Этот ужасный процесс... я пришла сказать, что он проиграл дело [10].

Направление взгляда Джун – это направление её мысли. Там где раньше стояла ваза, её подарок жениху, сейчас ничего нет, как нет прежней любви. Словно задан вопрос: почему прошло чувство? А ответ – это пристальный взгляд соперницы, для Ирэн теперь открыты двери Босини.

В данном отрывке первые секунды молчания – это удивление и растерянность девушек, они не ожидали увидеть друг друга здесь. Автор специально оговаривает это молчание, чтобы передать смятение в душе героинь, их внутреннюю борьбу, которая постепенно перерастает во внешнюю.

Джун, подчиняясь правилам светского поведения или помня о прежней дружбе и, возможно, желая наладить отношения, протягивает сопернице руку, преодолевая свою злость и обиду. Ирэн бросает отчаянный и решительный вызов Джун, не отвечая на рукопожатие, тем самым отрицая всякую возможность примирения. Как отмечает М.Н. Эпштейн: «Звук создает иллюзию безопасности, <...> тогда как молчание воспринимается как затаённость и скрытая угроза» [9: 205]. И мы видим, что в данном контексте это действительно так. Сила и опасность противостояния Ирэн – это продолжительное молчание, неподвижность, бездейственность. Джун вынуждена заговорить первой, спасаясь от агрессии Ирэн. Она сама задаёт вопрос и сама отвечает, Ирэн при этом продолжает молчать. Желая победить соперницу словами, Джун явно проигрывает.

Irene did not speak, her eyes never moved from June's face, and the girl cried:

"Don't stand there as if you were made of stone!"

Irene laughed: "I wish to God I were!"

But June turned away: "Stop!" she cried, "don't tell me! I don't want to hear! I don't want to hear what you've come for. I don't want to hear!" And like some uneasy spirit, she began swiftly walking to and fro.

<...>

Ирэн молчала, по-прежнему глядя ей прямо в лицо Джун, и девушка крикнула:

– Что же вы молчите, как каменная?

Ирэн засмеялась:

– Я бы хотела окаменеть.

Но Джун отвернулась от нее.

– Молчите! – крикнула она. – Не надо! Я не хочу слушать! Я не хочу знать, зачем вы пришли. Я ничего не хочу слушать! – и, словно беспокойный дух, заметалась по комнате.

<...>

В этом примере мы видим, что молчание может быть использовано для придания веса сказанным словам. Когда Ирэн начинает говорить после долгого и агрессивного молчания, её слова, её смех кажутся оглушающим для Джун. ППР передают всю глубину боли и страданий девушки. Она отворачивается от соперницы, кричит, её взволнованность и растерянность также передаются через сравнение её эмоционального состояния с духом, который метается по комнате.

"Why have you come?" she [June] sobbed. "You've ruined my life, and now you want to ruin his!"

Irene's mouth quivered; her eyes met June's with a look so mournful that the girl cried out in the midst of her sobbing, "No, no!"

But Irene's head bent till it touched her breast. She turned, and went quickly out <...>.

– Зачем вы пришли? – промолвила она сквозь рыдания. – Вы разрушили мою жизнь и ему хотите разрушить!

Губы Ирэн задрожали; в ее глазах, встретившихся с глазами Джун, была такая печаль, что девушка вскрикнула среди рыданий:

– Нет, нет!

Но Ирэн все ниже и ниже опускала голову. Она повернулась и быстро вышла из комнаты <...>[10].

ППР, вводящие данную коммуникативную ситуацию, обрисовывают нам «борьбу» между двумя героинями, где одна «вооружилась» речью, а другая молчанием. Мы видим противостояние активной и пассивной атаки, при этом вторая не менее агрессивна. Кульминация волнения и возбуждения Джун сопровождается уходом Ирен, она отступает. Причины ухода нам понятны из ППР, в глазах Ирен мы видим печаль, её губы дрожат, очевидно, что речь Джун произвела на неё сильное впечатление, в её словах есть правда, посмеяться над которой Ирен уже не может. В данном эпизоде молчание уже не имеет функции противостояния, теперь нулевое речевое поведение – это позиция невмешательства, самоустранения, которая сопровождается уходом героини.

Рассмотрим ещё один пример, где молчание – это полноценный коммуникативный акт:

“He’ll come like a shot, Mother. But he’ll probably skew his Exam.”

“I can’t help that,” said Winifred. “I want him.”

With an innocent shrewd look at her mother’s face, Imogen kept silence. It was father, of course! Val did come ‘like a shot’ at six o’clock.

– Пулей примчится, мам. Но только он, вероятно, провалится на экзамене.

– Тут уж я ничего не могу поделать, – сказала Уинифрид. – Мне нужно, чтобы он был здесь.

Кинув на мать невинно-проницательный взгляд, Имоджин промолчала. Конечно, тут замешан отец. В шесть часов Вэл действительно «примчался пулей»[11].

В данном случае слова теряют свою значимость, молчание же вполне уместно: родным людям многое понятно без слов.

Как мы видим, молчание может быть показателем взаимопонимания, но может оно и передавать совершенно противоположный смысл – это отчуждённость и взаимонеприятие:

“She deserted me. I want a divorce.”

“Rather late in the day, isn’t it?”

“Yes,” said Soames. And there was a silence.

<...>

“I don’t know at all. I imagine you may have both lived as if the other were dead. It’s usual in these cases.”

Soames turned to the window. A few early fallen oak-leaves strewed the terrace already, and were rolling round in the wind. Jolyon saw the figures of Holly and Val Dartie moving across the lawn towards the stables.

- Она меня бросила. Я хочу развестись.
- Немножко поздно, пожалуй?
- Да, - сказал Сомс, и наступило молчание.

<...>

-Я ничего не знаю. Мне кажется, вы могли оба жить так, как если бы один из вас давно умер. Так обычно и делается.

Сомс повернулся к окну. Рано опавшие дубовые листья уже устилали террасу, кружились по ветру. Джолион увидел две фигуры, Холли и Вала Дарти, направлявшихся через лужайку к конюшням [11]

В рассматриваемом отрывке главной причиной приостановления словесного общения является неприятие одним партнером по коммуникации другого. Молчание в данном примере – это уход от прямого высказывания, которое могло бы вызвать недовольство собеседника. В первой ППР оно выражено эксплицитно, во второй – индикация нулевого речевого действия происходит имплицитным способом: молчание Джолиона и Сомса передаётся через показ внешних действий и переход обоих персонажей к мыслительной деятельности (внутренней речи).

В статье Н.Д. Арутюновой [1] молчание, рассматриваемое в эстетическом аспекте, трактуется как способ преодоления такой проблемы, как ограниченность возможностей вербального языка для передачи сверхсмыслов. В приводимом ниже примере ситуация такая: вопрос религии очень глубокий и очень сложный, поэтому прежде чем ответить на вопрос сына о вере в Бога, отец погружается в молчание.

Jolly looked at his father.

“Do you believe in God, Dad? I’ve never known.”

At so searching a question from one to whom it was impossible to make a light reply, Jolyon stood for a moment feeling his back tired by the digging.

Джолли посмотрел на отца.

-Ты веришь в бога, папа? Я этого не знал.

На этот пылливый вопрос сына, которому нельзя было ответить пустой фразой, Джолион ответил не сразу – постоял, потёр уставшую от работы спину [11].

Молчание может говорить о том, что человек не находит в себе душевные силы сказать о чем-то, т.е. то, о чём он думает, несёт такую тяжелую эмоциональную нагрузку, что он не может передать её вербально.

There!" he said, "there! I knew there was something wro...."

He checked himself, and was silent, staring before him, as though he had seen a portent.

– Вот! – сказал он. – Вот! Я знал, что здесь что-то не...

Он осекся и замолчал, уставившись в одну точку, словно он только что увидел какое-то дурное предзнаменование [10].

Исследование смыслообразовательного потенциала эксплицитного и имплицитного указания на молчание собеседника (собеседников) в ППР подтверждает тот факт, что молчание может выступать в качестве полноценного коммуникативного акта, реализация которого позволяет продолжать межличностную коммуникацию на качественно ином уровне. Наряду с этим крайне важно не забывать о том, что, как всякий поступок, молчание включено в определённые контексты употребления. В зависимости от того или иного контекста оно может получать самый различный спектр значений и порой совершенно противоположный. Молчание может как объединить собеседников, так и разъединить их, может сигнализировать взаимопонимание или антипатию и даже угрозу, может подразумевать глубокую задумчивость или пассивность и бездействие и т.д.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 106–117.
2. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке. М., 2000. С.417–436.
3. Базылев Н.В. Молчание как феномен культуры и коммуникации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. М., 2005. С. 586–587.
4. Богданов В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы: сб. науч. тр. Калинин: Калинин.гос. ун-т, 1986. С.12–18.
5. Боронин А.А. Информативный потенциал авторских вводов конструкций прямой речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 178 с.
6. Крестинский С.В. Интерпретация актов молчания в дискурсе // Язык, дискурс и личность. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. С.38–44.
7. Крейдлин Г.В. Кинесика // Словарь языка русских жестов. Москва – Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. С. 166–248.
8. Эггерт Х., Голец Я. "... без слов язык сильнее": Молчание и речь в литературе и вербальном общении: сб. ст. / сост. Эггерт Х., Голец Я. «...wortlos der Sprache mächtig»: Schweigen und Sprechen in der Literatur und sprachlicher Kommunikation. Stuttgart, 1999. 315 S.
9. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. №10. С. 202–222.

10. Galsworthy J. The Man of Property // FictionBook [Электронный ресурс]. – Электрон.библиотека. URL: http://fictionbook.ru/author/golsuorsi_djon/the_forsyt_1_the_man_of_property/ (дата обращения: 25.08.14).
11. Galsworthy J. In Chancery // FictionBook [Электронный ресурс]. – Электрон.библиотека. URL: http://fictionbook.ru/author/golsuorsi_djon/the_forsyt_3_in_chancery/, свободный. (дата обращения: 25.08.14).

SILENCE AS PRESENTATION OF COMMUNICATIVE SITUATION

N.D. Shestopalova

Military Academy of Aerospace Defence, Tver

In this article the author analyses textual means of implying the meanings of communicative situation and the content of a literary piece. The article focuses on a particular type of textual fragment, namely: means of direct speech introduction pointing at the silence of communicators.

Keywords: *silence, sense-construction, communicative situation, presentation of direct speech.*

Об авторе:

ШЕСТОПАЛОВА Надежда Дмитриевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Военной академии воздушно-космической обороны имени Маршала Г.К. Жукова, e-mail: ionova_nd@list.ru